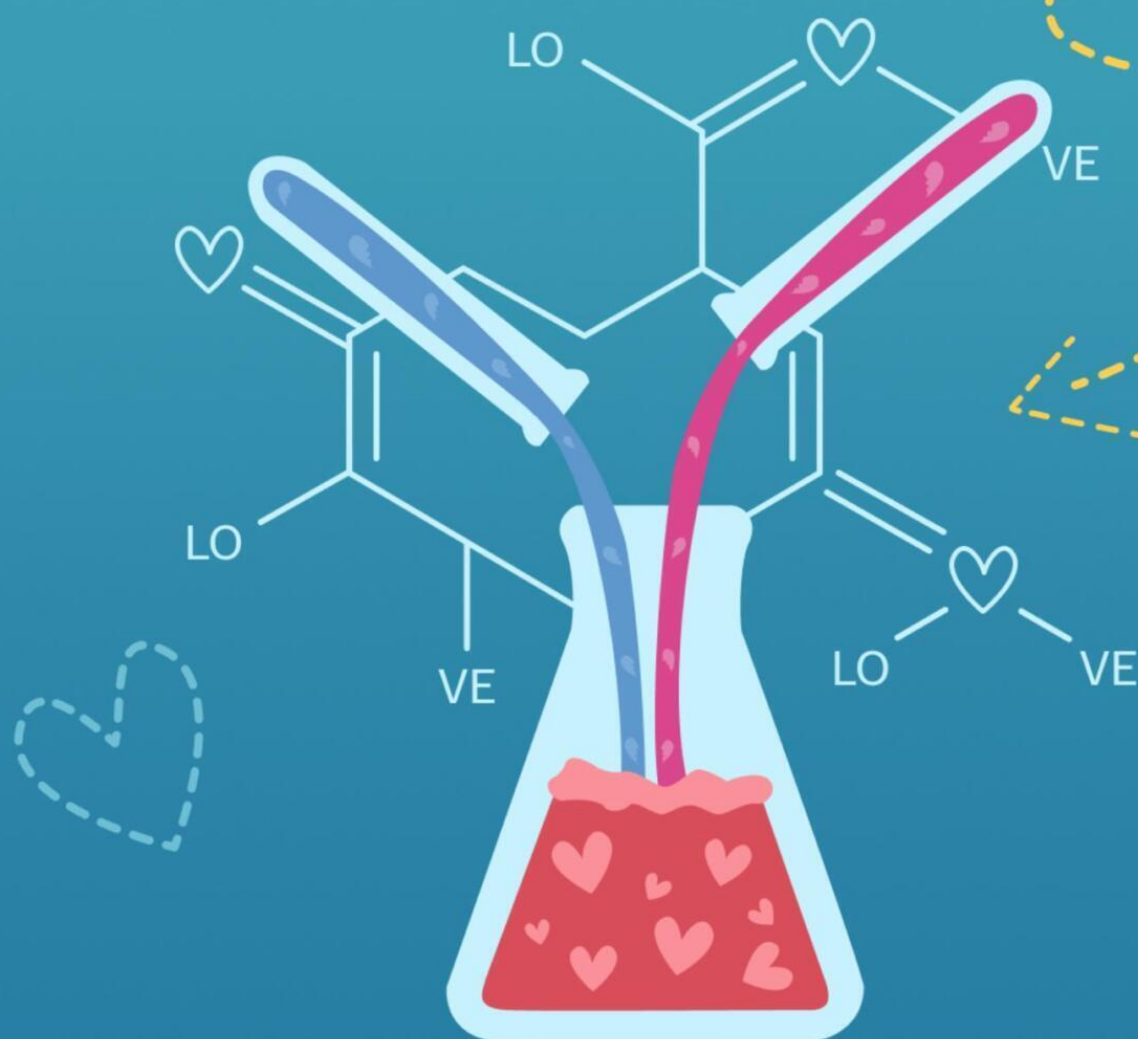

Мария Хайнц

17 ЭКСПЕРИМЕНТОВ, КОТОРЫЕ СПАСЛИ НАШ БРАК

Серия : «17 экспериментов...»

18+

Мария Хайнц

**17 экспериментов,
которые спасли наш брак**

«Автор»

2024

Хайнц М. С.

17 экспериментов, которые спасли наш брак / М. С. Хайнц —
«Автор», 2024

Герои книги двенадцать лет вместе. После двух неудачных беременностей подряд каждый из них по-своему пытается пережить боль потери. Муж уходит в себя, жена отчаянно ищет ответ на вопрос, почему её тело отвергает новую жизнь, и предполагает, что проблемы заключаются в их отношениях с мужем. Супруг считает, что с ними всё в порядке, но в какой-то момент оба соглашаются, что если они не сделают что-то для отношений здесь и сейчас, то могут потерять друг друга навсегда и решаются на эксперименты — попробовать то, чего они ещё никогда не делали, чтобы спасти их брак.

© Хайнц М. С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Введение	5
Эксперимент №1. Что делать?	6
Эксперимент №2. 36 вопросов до любви	10
Эксперимент №3. Всё внимание на мужа	17
Эксперимент №4. Освободить жизнь от старого	23
Эксперимент №5. Наполнить супружескую жизнь новым	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мария Хайнц

17 экспериментов, которые спасли наш брак

Введение

В жизни каждой пары бывают взлёты и падения. Как на американских горках: то опустошительная ссора, то нежное, как первое прикосновение, примирение. Непредсказуемые приключения с новыми поворотами и головокружительными вращениями. Мы смеялись, горевали, экспериментировали, вздорили, воссоединялись и летели дальше, пока вдруг не случилось то, что заставило нас остановиться... Мы потеряли ребёнка...

«У вас же уже есть двое! – говорили другие». «Мы хотели третьего», – отвечала я, пожимая плечами. «Мы всего лишь в рамках статистики», – говорил мой муж-врач, чтобы больше к этому не возвращаться. Так было легче... Не думать.

Снова всё закрутилось, завертелось. Мы смеялись, взлетали, с криками восторга падали вниз и снова взлетали. У нас всё было, как у других, не хуже, может быть, даже лучше, но, когда это случилось во второй раз, мир вокруг меня остановился. Сидя на больничной кровати и глядя на букет ландышей, который принесла подруга, я не могла отделаться от навязчивой, как липкая лента, мысли: «С нами что-то не так».

Эксперимент №1. Что делать?

Почему даже в тот редкий день, когда мы с мужем выбираемся в любимое кафе у ратушной площади, чтобы вместе позавтракать, какой-то бабуле обязательно нужно упасть в обморок?! Я, конечно, понимаю, что она это не специально сделала, чтобы привлечь внимание моего супруга. Хотя кто её знает... Любому человеку хочется внимания, а одиноким, пожилым – вдвойне. Но всё, что мне после этого остается, – молча стоять за спиной мужа и думать о том, как же это всё закономерно и похоже на нас. Вот он – герой, каждый день спасающий жизни людей, человек с прекрасными достоинствами, сияние которых украшает всё, куда бы он не посмотрел, до чего бы не дотронулся. И я – женщина с не меньшим количеством прекрасных достоинств, лучшая в школе, в университете, стипендиат, кандидат наук, но с появлением в моей жизни мужа-хирурга и детей всё это как будто померкло, перестало быть важным...

– С бабушкой всё будет в порядке, – говорит он после того, как упавшую в обморок погрузили в машину «скорой помощи», – в этом возрасте нужно пить больше воды, но пожилые всё время об этом забывают.

– Латте макиато за счет заведения, – черноволосый официант восторженным взглядом провожает нас к маленькому столику у окна. – Огромное спасибо за Вашу помощь!

– Ничего, это моя работа, – отвечает Кристиан. – Я буду «шведский стол», как всегда. Ты тоже, дорогая?

– Только капучино, – отвечаю я.

Свежие хрустящие булочки с семечками подсолнуха и тыквы, мягкие круассаны, аромат которых окутывает кафе, нежный творожный десерт, традиционные салаты, французские сыры, мясные закуски... Что ещё нужно для романтического завтрака на двоих? Раньше я попробовала бы всё по очереди, но после того, что произошло месяц назад, еда потеряла для меня свой вкус. Мир будто остановился, наши лица, руки застыли, взгляды стали холодными, отстранёнными, ничего не означающими. Мы здесь, и мы не здесь. Мы говорим, но мы молчим.

– Как дела на работе? – спрашиваю мужа.

– Как всегда.

Как всегда... Стены в кафе цвета нежной, только что распустившейся сирени. Муж, небритый после ночной смены в больнице, резко контрастирует с ухоженностью этого заведения и дамами с накрашенными губами и причёсками-одуванчиками. Я замечаю это все мимоходом, но думаю совсем о другом. У жены, кажется, должно быть много вопросов для редкого совместного завтрака с мужем, но мы так давно друг друга знаем, что любая фраза звучит, как монета, опущенная в пустую чашку. Печальные события, как я думала раньше, должны объединять супругов, но мы теперь даже в глаза друг другу не смотрим.

– Как у тебя дела? Всё хорошо? – спрашивает он после глубокого вздоха.

– Да, как всегда.

Думала, что мы давно прошли этот этап, когда прячешь глаза и не решаешься сказать ни слова. Это бывает в самом начале отношений, когда знакомишься, влюбляешься и думаешь: вот он – мой суженый, моя половинка. Через двенадцать лет знакомства мы молчим совсем по другой причине: боимся нарушить хрупкий мир, спросить, о чём другой не хочет думать, добавить тяжести к тому, от чего и так невыносимо.

– Скажи, ты считаешь наш брак счастливым? – не выдерживаю я.

– С таких вопросов обычно начинают разговоры о разводе... – он смотрит с оценивающим беспокойством.

Отвечаю усмешкой, которую сама от себя не ожидала, прячу её, доставая из сумки бумагу с ручкой.

– Смотрю, ты основательно подготовилась...

Терпеть не могу, когда он так ухмыляется. Будто в очередной раз хочет сказать: «Чем ещё ты собираешься меня помучить, чтобы сделать нашу жизнь счастливее?» Это его любимая фраза, когда начинаю говорить о нас.

– Без письменных доказательств никуда. Ты же знаешь, в «прошлой жизни» я была юристом.

«Прошлой жизнью» я называю период до тридцати лет, когда делала карьеру в крупной компании в столице, каждый месяц ездила в командировки за границу. Тогда я думала, что когда-нибудь настанет момент, когда я всё брошу, заведу семью и буду заниматься тем, что делает меня по-настоящему счастливой. Так всё и случилось. Мне тридцать шесть, у меня семья, двое детей, я изучаю психологию и пишу книги. Я была уверена, что всё у меня прекрасно, но последние события заставили задуматься, что, возможно, ошибаюсь. Как тот сапожник, который лучше всех латает обувь другим, вдруг обнаруживает, что его семья ходит без сапог, так и я заметила, что пора развернуться от книг и психологии к семье. Но что делать, если супруг уже привык ходить босиком?

Рисую в центре круг и помещаю в него слова «счастливый брак», провожу несколько «лучиков» в стороны.

– Что означают для тебя слова «счастливый брак»? – спрашиваю я.

– Давай сначала ты.

– Эмоциональная близость, – записываю около первого «лучика».

– Физическая близость, – спешит вставить он.

– Время, внимание, помощь.

– Понимание и терпение.

– Знать предпочтения, вкусы друг друга и удивлять... Неожиданности какие-нибудь...

Сюрпризы...

– Сюрпризы? – Кристиан морщится.

– Ну, например, ты увозишь меня куда-нибудь в неизвестном направлении...

– А дети бегают одни голодные по виноградным полям и ищут нас? Кто будет за ними смотреть? Ты же знаешь, я не люблю путешествия... И сюрпризы...

– Ну тогда цветы...

Он снова морщится. Вспоминает, вероятно, мою реакцию на букет, который он купил на свадьбу: темно-фиолетовые орхидеи вместо нежно-розовых лилий, как я просила, чтобы подходили под цвет платья. Не знаю, как умудрилась посмотреть на него тогда, но муж не дарил мне после этого цветы много лет.

– Хорошо. Совершенно необязательно дарить цветы. Это даже не неожиданность, а банальность какая-то. Но от чего-нибудь другого хотя бы раз в неделю я б не отказалась.

– Раз в неделю?! Лучше раз в год! – он быстро исправляется, заметив мой взгляд. – Может, будем проводить эксперименты, как раньше? Помнишь? У нас же хорошо получалось!

– Предлагай тему, – говорю я.

– Секс каждый день! – лицо Кристиана становится похожим на тот круг, который я нарисовала в центре листа с надписью «счастливый брак». – Это для улучшения сферы «физическая близость».

– Это уже было... Нет-нет, давай теперь что-нибудь совершенно другое попробуем, оригинальное, противоположное. Например, воздержание. Пусть физическое не мешает платоническому. Направим всю энергию на духовное развитие, – я, конечно, шучу, но он, по-моему, принимает всё за чистую монету. – Чтобы твои интересы не ущемлялись, пусть физическое будет – раз... – тяну, выдерживая паузу барабанной дробы, – как и твои сюрпризы, раз в год – на твой день рождения!

– Хорошо, – он перестает улыбаться. – Постараюсь делать неожиданности раз в неделю...

– Отлично! Я знала, что мы всегда можем договориться.

Договариваться – это наша сильная сторона. Как говорит Кристиан, ничто не держит брак на плаву лучше, чем компромисс – «искусство, когда решением недовольны оба». Каждый чего-то недодал себе, но зато может надеяться, что и другому нечему завидовать. Конечно, это в итоге не кругосветный лайнер в супружеских отношениях, но он хотя бы не тонет. Однако достаточно ли нам этого – просто быть на плаву?

Я считаю, что мы достойны большего: чувствовать себя в отношениях наполненными, счастливыми. Но в чём состоит секрет счастливого брака? Брака, которому много лет?

Ответами на этот вопрос заполнены страницы интернет-порталов, журналов и книг. Когда-то я уже искала их и даже находила, но всё меняется, и те рецепты, которые работали несколько лет назад, будто пар, испарились и превратились в облака. Наши души требуют нового, неожиданного, увлекательного, а тела – комфортного, без потерь энергии, в идеале – с дивана, чтобы отношения не казались второй рабочей сменой (учитывая детей, третьей). Или такого нет по определению?

Листаю страницы какого-то блога, пока муж говорит по телефону с коллегой. Нет более популярного ответа на вопрос о счастливом браке, чем любовь. Любите друг друга и будете счастливы!

Мы с мужем каждый день говорим друг другу, что любим, но как-то мимоходом, не глядя в глаза, как «привет», «спокойной ночи», «давай, я уложу детей, а ты уберёшь на кухне?», «сегодня свидание в 22.30»... Романтические отношения давно прошли, и теперь наша любовь именно такая: мимолетная, сама собой разумеющаяся, как точки в брачном договоре. Ты – мне, я – тебе, и, если кто-то вдруг отдаёт меньше или берёт больше, то движение останавливается, и мы начинаем выяснять, кто виноват, кто нарушил договор, кто не вынес мусорное ведро... И нет в этой любви ничего плохого, как и хорошего, кроме того, что дома чисто, договор соблюдается, и наш лайнер не идёт ко дну.

А кто сказал, что это не есть счастье? Мы вместе. У нас растут два мальчика. По сравнению с другими людьми, наши отношения просто изумительные: мы не ругаемся, не грозим друг другу разводами, не бросаем тарелки... Но тем супружество и интересно, что оценки с другими не работают. Одного супруга может вполне всё устраивать, а другого – наоборот. Как у нас. Муж вполне доволен (всем и всегда), а я – нет. Он просто скроен, как говорит, а мне эта простота иногда напоминает существование рептилии.

Домой возвращаемся на машине по каштановой аллее. Ещё пару дней, и она вспыхнет тёмно-розовым цветом и наполнит воздух сумасшедшим запахом весны. И от этого ожидания хочется ещё больше настоящей любви – с розовыми очками, с «порхающими бабочками» в животе – той страсти, которая у нас когда-то была.

– Пожалуйста, тормози раньше! – говорю я, сжимаясь от страха перед резко остановившимся грузовиком.

– Я – за рулем, – отвечает он жёстко, и моих «бабочек», как и не было.

Всегда, когда он так делает, я думаю о том, что двенадцать лет назад, когда мы встретились и были нежно влюблены друг в друга, он бы сказал: «Хорошо, дорогая», а затем притормозил чуть раньше. Двенадцать лет назад я не достала бы демонстративно смартфон. Не только потому, что его тогда не было, как и мобильного интернета. Просто было интереснее с мужем.

Потеря второго ребенка отбросила нас в пространство боли: каждого – в своё. Он возвёл стену и спрятался за ней. Я, наоборот, осталась без защиты и поддержки. Ему хорошо в своей пещере. Каждый день после работы он спускается в комнату в подвале и сидит за компьютером. Он никуда не хочет идти. Его всё устраивает.

Проносящиеся мимо машины потряхивают наш ожидающий поворота чёрный фольксваген. Налево через сто метров – деревенька с нашим домом, скрытая от города и прочего мира бесконечными рядами виноградников и фруктовых садов. Сколько раз я останавливалась здесь, на этом повороте и думала о том, что было бы, если б я когда-нибудь проехала дальше, не

сворачивая. Не оглядываясь и не задумываясь о последствиях. На другой конец света. Конечно, не сейчас, когда у нас маленькие дети, но когда-нибудь, когда между нами не останется ничего, кроме прошлого. В последнее время меня не покидает ощущение, что этот день неминуемо настанет. Когда-нибудь эта сила, которая до сих пор тянула меня к нему, ослабнет, остынет, растворится, и я уеду, чтобы никогда больше не вернуться. Она уже ослабевает, и чувствую, что, если мы ничего не сделаем прямо сейчас, я действительно когда-нибудь исчезну из его жизни...

Сказать «нет», уйти всегда проще. Окунуться с головой в новое любовное приключение, в котором снова будет жить надежда о том суженом, с которым всё получается само собой. Не нужно разговоров, компромиссов, споров. Мы будем жить, как одно целое, долго и счастливо, как в сказке. Но разве не было этого у нас? Разве не испили мы это счастье до дна? Разве стоит уйти, чтобы снова сесть на «американские горки» любви и сойти с них через несколько лет с ощущением тошноты, разбитыми и потерянными? Разве нет иного пути?

В моменты распутия люди уходят или уезжают куда-то, в более красивое, живописное место, чтобы отвлечься, наполниться энергией, встретить кого-нибудь другого. А если ты уже живешь в таком месте, куда все приезжают в отпуск походить по виноградникам и лесным тропинкам, поболтать с себе подобными и проводить солнце на закате, глядя на него сквозь бокал белого вина? Что делать, если ты уже нашел этого суженого, с которым хочешь провести остаток своей жизни? Как сделать так, чтобы не уйти, а остаться?

Я верю в этот путь. Здесь главное – начать. Решиться испробовать новое, приложить усилия. Хочу сойти с накатанного, снова развернуться к мужу. Пройти с ним вместе тысячу километров, если будет нужно, назад, до того дня, когда родилась наша любовь.

– Как же я устал, – говорит муж, кряхтя вылезая из машины.

– Нужно ещё шины положить в багажник, – напоминаю ему, – отвезти в шиномонтаж, чтобы поменяли на летние.

– Положу, когда выплусь...

– Нет, похоже тысячу километров мы не осилим. Пусть будет пара шагов – какой-нибудь простой эксперимент. Они нам раньше отлично помогали. Лёгкий, но действенный эксперимент, как укол адреналина. И мне кажется, я уже знаю какой.

Эксперимент №2. 36 вопросов до любви

Понедельник

Тонкий бирюзовый пролив отделяет нас от туманных очертаний гор. Внизу небольшие виллы персикового цвета, вокруг изумрудные кипарисы и подёрнутые серебром оливковые деревья. Точь-в-точь, как описывал остров английский писатель-анималист Джеральд Даррелл. Всю зиму мы с Сашей – старшим сыном шести лет, смотрели сериал, снятый на Корфу по мотивам книги «Моя семья и другие животные». Тогда у нас и родилась идея приехать сюда летом. Вместо виллы мы поселились в главном многоэтажном корпусе пятизвёздочного отеля. Все остальное будто и не изменилось за много лет, осталось, как в книге.

С раннего утра все на ногах, потому что у каждого грандиозные планы: муж хочет порыбачить, Саша – найти родственников тех животных, которых довелось поймать маленькому Джеральду восемьдесят лет назад, Даниель рвётся к жёлтой водной горке, которую увидел из окна. Что задумала я, никто никогда не догадается. Это секретный психологический эксперимент, который поможет нам с мужем снова страстно влюбиться друг в друга.

Психолог Артур Арон провёл в 1997 году исследование, которое показало, что влюбиться в человека можно, задав ему несколько простых, достаточно личных вопросов. Он объединил несколько пар незнакомых мужчин и женщин, которые в течение сорока пяти минут должны были ответить на 36 вопросов, а затем в полной тишине смотреть друг другу в глаза в течение четырех минут. Вуаля! Двое из них через полгода поженились. Причина таких результатов достаточно проста – личные вопросы создают атмосферу общности, особенно если ответы партнеров совпадают. Она порождает эмоциональную близость, а от неё до любви – один взгляд, пусть и четырёхминутный. Даже если не хочешь, влюбишься.

Мы уже давно женаты. Это основное отличие нашего эксперимента. Этот факт, однако, не означает, что мы очень хорошо знаем друг друга. При первом взгляде на перечень вопросов я поняла, что многие из них мы никогда друг другу не задавали, и уж тем более четыре минуты в глаза не смотрели. К примеру, понятия не имею, есть ли у него тайное предчувствие о том, как он умрёт? Честно говоря, меня это и сейчас не особенно интересует, но чего не сделаешь ради любви! Если у других сработало, почему бы и нам не попробовать?!

И ведь не обязательно все вопросы задавать. Главное – возродить чувство эмоциональной близости, а для этого нужны вопросы о сокровенном. Заодно наконец-то узнаю, за кого он голосует на выборах, и что из вещей во время пожара супруг спас бы в первую очередь. Уверена, что это компьютер с играми, но вдруг всё-таки паспорт? Хотя он знает, что за ним я побегу, поэтому точно компьютер. Эти вопросы я дополнительно из интернета скачала из «250 вопросов для супругов», если нам для вспышки страсти первых 36 вопросов не хватит.

Теперь нужно выбрать правильный момент. Отпуск – прекрасное время для экспериментов и любви. После тяжёлого трудового дня все эти вопросы звучали бы для мужа, как мысли сумасшедшей домохозяйки, которой больше нечем заняться, как мучать усталого мужа вопросами агента ЦРУ. А отпуск – подходящий момент, чтобы обратиться к тому вечному, для чего не хватает времени в будни. Всё включено: вид на море, отдельная комната для детей – это для того, чтобы мы смогли по-настоящему расслабиться и погрузиться в волшебную атмосферу любви. Нужно только дождаться подходящего момента, чтобы муж всё понял правильно.

– Даниель?! Зачем ты плавки на пижаму одеваешь?! – из грёз приближающегося цунами любви меня вырывает громкий окрик Кристиана. Он показывает на нашего младшего сына. Голова у него светлая – в прямом и переносном смысле этого слова. В свои пять лет он уже знает, как складывать двузначные цифры и играть в шахматы, но забывает, что сначала нужно снять пижаму, а потом уже надеть плавки.

– Саша, оставь в номере свой террариум и сачок, – в ресторане нет ящериц и жуков... Я, во всяком случае, на это очень надеюсь, – говорю старшему. – Четверть десятого! Завтрак в 9.30 заканчивается! Давайте скорее, если не хотим готовить крабов!

Саша останавливается:

– Мама, а крабы вкусные? Давай лучше зажарим краба на завтрак!

– Я не хочу крабов! Я хочу кашу, как дома, с коричневым сахаром! – кричит Даниель.

– Солнышко, я не уверена, что там каша будет, как дома!

– Тогда краба! – не унимается Саша.

– Кашу как дома!

– Господи, неужели нельзя потише?! Как я устал от этого! – стонет муж, хватаясь за голову.

Ну вот, день не успел начаться, а он уже устал. Что будет, если я вопросы начну задавать...

Бежим на завтрак. Слава Богу, там подают овсянку, очень похожую на домашнюю. После завтрака спешим на море ловить крабов, после моря – в душ, после душа – на обед, после обеда – снова на море, после моря – снова в душ, после душа – на ужин, после ужина планировали пойти на детскую дискотеку, но до неё мы не добираемся, потому что засыпаем, поддавшись уговорам мужа: «Полчасика полежим после ужина, сил наберёмся перед дискотекой». Вот и набрались. Вот тебе и отпуск! Дома мы так не уставали.

«Море, как тёплое шелковистое одеяло, окутывало моё тело», – писал Джеральд Даррелл. Это потому, что он не был в нашем ресторане. Не море, а еда пригвоздила нас к кроватям, наполнив каждую клеточку тела свинцовой тяжестью, которой мы не в силах сопротивляться. Даже о вопросах, которые позволят нам с мужем снова страстно влюбиться друг в друга, думать не могу... А Кристиан уже храпит... Ладно, у нас ещё девять дней...

Вторник

На следующий день дети решительно настроены не пропустить дискотеку, а я – не пропустить наш с мужем шанс. Тот же собирается сразу после дискотеки на охоту за гекконами – преотвратительными полупрозрачными тварями телесного цвета с кожей, через которую видно не только капилляры, но и внутренние органы. Но муж их просто обожает! Я удивляюсь иногда его стандартам красоты. Когда он притаскивает домой медянку, ужа или паука и говорит, что они «ну просто красавицы», то точно такие эпитеты в отношении меня вызывают, мягко скажем, замешательство.

К гекконам у Кристиана особая страсть, потому что в наших краях они не водятся, и поймать их можно только в отпуске на море. Они появляются с наступлением темноты – как раз тогда, когда можно уложить детей в кровать и, наконец, приступить к нашему эксперименту. От мысли, что какие-то гекконы могут помешать нашему личному счастью, я не люблю их ещё больше, но ничего поделать не могу. Боюсь, что, если поставлю мужа перед дилеммой: или вопросы для укрепления брака, или полупрозрачные твари, он сделает неправильный выбор. Поэтому иду проверенным женским путём: после сытного обеда предлагаю мужу поспать, чтобы вечером сил хватило на всё: и на гекконов, и на эксперимент.

– Дети! – прошу мальчиков после дневного похода в ресторан, – Родителям обязательно нужно отдохнуть, чтобы мы вечером все вместе смогли пойти на дискотеку. – Понятно?

– Понятно! – они послушно кивают.

– Если хотите, можете даже поспать, – надеюсь на невозможное. – Если не хотите, тихонько поиграйте в своей комнате. Договорились?

– Договорились! – послушно отвечают сыновья и уходят к себе в комнату.

Мы с мужем многозначительно переглядываемся. Неужели и на нашей улице праздник? Мозг освещает вспышкой шальная мысль о том, чтобы задать вопросы прямо сейчас, но что мы будем делать, если любовь вдруг пробудится в нас со страшной силой? Конечно, лучше,

если дети в это время спят, а мы – нет. Для этого нужно, чтобы дети сейчас играли, а мы с мужем спали, – размышляю я, вгоняя себя в дрему.

– Мама, вы уже выспались? – звучный голос младшего сына будто обухом бьёт по голове.

– Даниель, ты что? Десяти минут не прошло!

– Мы уже наигрались! И я есть хочу!

– Как? Мы же только что с обеда!

– Пойдём на море крабов ловить! Заодно и поедим! – включается Саша, тормоша папу за плечо.

– Я не хочу крабов! Я хочу кашу, как дома, с коричневым сахаром! – заводит свою шарманку Даниель.

– Папа, а крабы вкусные? – продолжает Саша. – Папа, ты ел когда-нибудь крабов?

Муж недовольно бормочет в полусне, чтобы все оставили его в покое, в том числе и крабы. Дети не умолкают: «Мы на море не спать приехали!» Справедливо замечено! Учитывая то, что эксперимент оказывается снова под угрозой срыва (ведь с невыспавшимся мужем бесполезно вести разговоры об отношениях), самоотверженно увожу детей на море. «Тёплое шелковистое одеяло...» «Слабое убаюкивающее подводное движение...» «Шоколадно-коричневая земля с бахромкой белой пены внизу...» – пульсируют цитаты из Даррелла. Он был прав в отношении каждого слова, каждой буквы. Шоколадно-коричневым берег становится из-за миллионов водорослей, выброшенных прибоем. С нашего пляжа их убирают рабочие, а по его краям темно-коричневые ленты, похожие на магнитофонные, окутывают прибрежную полосу и, постепенно высыхая на солнце, превращаются в серо-пепельную труху. А волны действительно, как одеяло, убаюкивают, погружают в сон. Нет, спать никак нельзя! Тем более на воде! Возвращаюсь к детям, играющим на берегу.

В номере мы появляемся лишь к ужину. После двух часов на море с детьми и в бассейне, я с решимостью прыгнуна с вышки встаю около кровати, чтобы рухнуть туда и забыться до утра, но меня удерживает свет, исходящий от мужа. Он отдохнул, спокоен, как море под лучами заходящего солнца, целует меня и благодарит за то, что дала ему время отдохнуть. А может быть, никаких вопросов не нужно, просто высыпаться каждый день? Или хотя бы по очереди?

В отличном настроении идём в ресторан, а потом на детскую дискотеку. Муж перед сном уводит детей на охоту за гекконами, я сажусь на кровать, чтобы перевести дух. Во время ужина я закинула удочку и намекнула, что сегодня вечером его ждет нечто необыкновенное – то, что мы ещё никогда не пробовали – на случай, если ему захочется задержаться на охоте. Он тут же предложил перенести охоту на завтра, но после того, как приоткрыла ему подробности эксперимента, сказал, что будет несправедливым, если лишить детей поиска гекконов.

36 вопросов для начала и четыре минуты смотреть друг другу в глаза – очевидно было не совсем то, чего он ожидал от меня под словом «необыкновенное», но два часа сна после обеда сделали своё дело, и он согласился ответить на вопросы. «Четыре минуты в глаза друг другу смотреть – как-то глупо. Мы всё-таки давно женаты и видим друг друга каждый день», – был его приговор на научно обоснованную вторую часть эксперимента. Я настаивать не стала. Попробуем обойтись вопросами, а потом будем действовать по обстановке. Ведь не может он мне запретить смотреть на него четыре минуты.

Пока мужчины на охоте, я, лежа на кровати, обдумываю, о чём именно спросить в первую очередь. «Выбирая из всех в мире, кого бы ты пригласил в гости на обед?» Конечно, меня... А что я отвечу? Конечно же, Мартина Селигмана. Уверена, муж не обидится, если я так скажу. Всё-таки не каждый день предоставляется возможность пообедать с отцом позитивной психологии, которой я увлекаюсь.

А вдруг муж тоже с кем-нибудь другим захочет пообедать? С Холли Берри, например. Эта актриса ему очень нравится. А вдруг он в неё влюбится, когда увидит по-настоящему? Нет, лучше об этом вообще не спрашивать. Тогда следующий вопрос.

«Хотел бы ты стать знаменитым? В какой области?» Этот вопрос тоже задавать не стоит. Ответ я давно знаю. Быть известным – это не для него. В нашем городе его и так все знают, и это очень напрягает, особенно когда идёшь просто солнечные очки купить, а продавец, который был его пациентом, вспоминает, что он уже удалял абсцесс и у него, кажется, ещё один назрел, и не мог бы он прямо здесь и сейчас сказать, нужно ли его вырезать. А где это – здесь? Сзади. Там...

Следующий вопрос. «Прежде чем сделать телефонный звонок, вы когда-нибудь репетируете, что собираетесь сказать?» Глупый какой-то вопрос. Он же не в театре работает, а в больнице, зачем репетировать: «Вашего мужа успешно прооперировали. Проживете с ним ещё много лет. Вы разводитесь?».

Следующий вопрос. Четвертый... «Когда вы в последний раз пели наедине с собой? А для кого-то другого?» Ответ тоже знаю. Кристиан в последний раз пел на уроке музыки, после чего учительница сказала: «А не попробовать ли тебе игру на трубе?» И, возможно, всё бы сложилось, если бы учитель игры на трубе не предложил ему после первого занятия всё-таки попробовать заняться пением.

Следующий вопрос. «Если бы вы могли жить до 90 и сохранить либо разум либо тело тридцатилетнего в последние 60 лет своей жизни, что бы вы выбрали?» Этот вопрос ему не понравится. Он не любит разглагольствований о том, что не произошло.

«У вас есть тайное предчувствие о том, как вы умрете?» Этот вопрос тоже ни к месту. Он не любит думать о смерти. Говорит, когда проблема приходит, надо ею заниматься, зачем заранее голову забивать всякой ерундой? Всё-таки я его неплохо знаю.

Следующий вопрос. «Назовите три общие черты, которые есть у вас и вашего партнера...» Ба-бах! Подпрыгиваю, ничего не понимая. Вокруг темно, на электронных, светящихся красным огоньком часах – два ночи, муж ворчит. Я включаю ночник и обнаруживаю на полу террариум с выбегающей из него живностью.

– Аааа! Что там? – кричу, вскарабкавшись на подушку и поджав ноги, как потерпевший кораблекрушение, спасающийся на острове от акул, подплывающих со всех сторон.

– Гремучая змея, – бурчит муж и спит дальше.

– Что? – сканирую взглядом пространство около кровати, ожидая увидеть маленькую чешуйчатую голову с вихляющим язычком посередине. – Она же ядовитая!

– Ну что ты всполошилась, – отвечает муж недовольно. – Это всего лишь гекконы. Завтра их соберём и выпустим. Выключай свет.

– Ты с ума сошёл? Хочешь, чтобы эта тварь мне в ухо залезла и высосала мозг?

– Не шуми! Испугаешь их!

– Я не такая страшная, как они! Лови их! – толкаю мужа в спину. Тот нехотя заглядывает под кровать.

– Они же милые и добрые. Вот посмотри, – муж сует под нос букет из черноглазых тварей. – Трёх поймал. Давай спать.

– А сколько их было?

– Шесть... Или семь...

– Что значит «или семь»? Где остальные?

– Остальные под твоей кроватью – ждут, когда слезешь с неё, чтобы я их достал.

Перепрыгиваю на стул, а муж тем временем отодвигает кровать. Разочарованно молчу. Не эти вопросы хотела ему задать и не эти ответы получать. Через полчаса все гекконы сидят в террариуме, муж храпит, я смотрю совой в сторону моря, потому что не выспалась. Если так дальше пойдёт, то завтра вечером опять усну раньше времени. Что за незадача с экспериментом?! Нужно срочно менять тактику.

Среда

В обед уговариваю детей пообедать в детском уголке ресторана: там специальные маленькие стульчики и столики, нет родителей, которые заставляют есть салат и ограничивают в мороженом – в общем дети убежали туда в большом воодушевлении. Я – в не меньшем – в противоположную сторону. В который раз убеждаюсь, что среди кучи неработающих вариантов обязательно найдётся тот, что с «зеленым» оттенком. Как оливка в моем коктейле. Наполняем тарелки и садимся друг против друга. Момент истины. Раунд вопросов начинается!

– Помнишь, – начинаю нетерпеливо, – я тебе вчера говорила про приятную неожиданность?

– Да, – муж игриво улыбается.

– Про вопросы...

– Ах про это, – он разочарованно отправляет в рот капусту. В отпуске он решил сесть на диету, и теперь перед каждым обедом и ужином заполняет живот этой малокалорийной зеленью, чтобы в конце осталось место только на один стейк, не больше. Тут я вдруг подумала, что выбрала не самый удачный момент – нужно было всё-таки начинать, когда он за мясо возьмется, но если ждать идеальной ситуации, то так можно и дома оказаться: без ответов и любовной страсти. Дети уже недоуменно по сторонам поглядывают и на нас – почему-то в детской части ресторана они оказались совершенно одни. Иду на абордаж!

– Это из одного исследования, – тараторю, чтобы у мужа не было и шанса возразить. – В нём незнакомые мужчины и женщины отвечали на 36 простых, но достаточно личных вопросов, после этого в течение четырех минут смотрели друг на друга. Многие после этого влюбились и даже женились!

– Мы уже женаты, – с удовлетворением заключает он, вычислив в одном предложении, по его мнению, все неизвестные.

– Некоторые из вопросов, – продолжаю я, – действительно необычные. Я их встречала в списках вопросов, которые должны задать (или всегда хотели задать) друг другу супруги. Они позволяют лучше узнать друг друга, наши интересы, пристрастия. К примеру, «Если бы у вас была возможность выбрать любого человека в мире, кого бы вы пригласили на ужин?» или «Из чего бы состоял ваш идеальный день?» Или «Каким бы ты животным не хотел стать в следующей жизни?»

– Уж точно не козлом! Так эта капуста надоела! – муж с раздражением отодвигает «зелёную» тарелку в сторону, придвигая другую – со стейком. Очень вовремя.

– Отлично, на один вопрос уже ответили. Я бы вообще не хотела стать животным. В крайнем случае, каким-нибудь травоядным, которого никто не может съесть.

– Такого не бывает. В природе всегда кто-нибудь кого-нибудь хочет съесть.

– А слоны?

– На них человекообразные охотятся. За их бивнями.

– Ну тогда слоном женского пола – у них ведь нет бивней?

– Да, думаю, эта единственная безопасная альтернатива вегетарианца.

Я внутренне улыбнулась завязавшемуся разговору.

– Вот ещё интересный вопрос, – продолжаю, – «Что ты хотел бы изменить в своем воспитании, родительском подходе, если бы мог?»

– Я думаю, стал бы больше учиться в школе и в университете. Тогда мне было бы проще сдавать экзамены. Было бы не так тяжело.

– А мне бы хотелось, – подхватываю я, – чтобы моя мама любила нас детьми так, как она любит сейчас. Точнее, я знаю, она всегда нас любила, но не особенно показывала – до того момента, когда мне операцию в восемнадцать лет сделали. Я тебе рассказывала, что было осложнение, кровотечение, от которого я сознание потеряла, и она тогда всю ночь около меня сидела, держала руку на животе – мне так было легче терпеть боль. Потом я ничего не ела, а в один из дней сказала, что очень хочется арбуза, и она его привезла – это в декабре-то на нашем

севере! Мне показалось, что она в тот день будто очнулась от спячки. Проснулись её чувства, её любовь. С тех пор я их всегда ощущала.

Муж притих. Теперь мне понятно, как работают эти вопросы. Они погружают тебя в состояние, которое ты можешь испытывать только с очень близким человеком, который достоин самого сокровенного. Обычно это происходит с теми, кто влюблен. В эксперименте лишь порядок событий меняется местами.

– Ещё по одному? – предлагаю я.

– Давай, – отвечает муж, доедая стейк.

– Что бы ты изменил в своей жизни, если бы узнал, что тебе осталось жить год?

Этот вопрос Кристиану явно не нравится.

– Я предпочитаю не думать об этом, – отвечает он. – Я так сложен. Ничего не планирую, пока это не произойдет.

– Я бы читала, писала книги, проводила время с тобой и с детьми – в общем делала бы всё то же самое, только, наверное, более осознанно, более включённо.

Мы молчим, а я украдкой поглядываю на наших мальчиков: старшему Саше скоро семь, младшему Даниелю в мае исполнилось пять. Маленькие непоседы... Вот и сейчас не могут спокойно сидеть: размахивают руками, то и дело вскакивают, бегут за добавкой...

Не так давно природа подарила их нам безо всяких усилий. Просто так. Что изменилось с тех пор? Что изменилось в нас, между нами, во мне, чтобы природа пошла вспять? Природа молчит... Почему вдруг подумала об этом сейчас? Знаю, почему... Задаю эти идиотские вопросы, но не решаюсь спросить о самом главном...

– Я думаю, перестал бы работать и отправился в кругосветное путешествие... – вдруг отвечает Кристиан, выводя меня из оцепенения. На этом наш диалог приходится прекратить, так как дети начинают громко ссориться... Пересаживаем их за наш столик.

Вечером на детской дискотеке мне удаётся вставить ещё один короткий вопрос из списка «Что у нас общего?» И получив сдержанное: «Внешне мы похожи и внутренне тоже», констатирую, что затея с вопросами не оказывает на нас желаемого воздействия.

Четверг

Сидя на следующий день у моря, я думаю, что этот эксперимент заранее был обречен на провал. Нельзя войти в одну реку дважды. Мы были влюблены, мы встречались, мы поженились, мы родили детей. Мы много раз заходили в реку любви, и вода в ней была всегда разной: по-летнему тёплой, как море в августе, и прохладной, бодрящей, как весенний дождь. И нет ни в одной из них преимущества, есть лишь способность чувствовать то, что есть в данный момент. Не нужно стремиться к той любви, что была. К ней уже не вернуться, да этого и не нужно. Перед нами новые горизонты, другие оттенки, только вот пока мы их не особенно различаем.

– Саша, зачем ты засунул руку в расщелину? – кричу старшему сыну. – Тебе злой краб сейчас палец откусит! – я действительно волнуюсь, потому что крабов здесь много, и они очень не любят любопытных мальчиков, даже с задатками Джеральда Даррелла. Но наш юный натуралист способен удивить не только меня, но и краба, которого Саша вытаскивает из расщелины. Тот грозно трясёт клешнями – мол, «я тебе сейчас покажу!», но в итоге Саша показывает его всем собравшимся вокруг любопытным родителям и детям.

– Даниель, – кричу тем временем, заметив, что младший забрался в это время в воду по грудь. – Не заходи так далеко! Пожалуйста! Дорогой, верни его!

Муж спешит за Даниелем, а я думаю о том, что, возможно, проблема совсем в другом. С рождением детей всё, что раньше предназначалось друг другу: взгляды, прикосновения, внимание, любовь – отдаются детям. Супругам ничего не остается, кроме, напоминаний, просьб, приказов, укоров, решения возникающих вопросов. Природа сделала всё для того, чтобы дети родились и выжили, а что будет с родителями, с их отношениями – это её уже не волнует, сами

разбирайтесь. Главное, чтобы потомство осталось, а ваша любовь? Это уже, как сами устроите. Хотите – живите вместе в любви. Хотите – живите отдельно. Хотите – счастливо. Хотите – ругайтесь каждый день. В общем, здесь у вас полная свобода. Природа долг выполнила, «умыла руки» и ушла. И без её поддержки как-то сложновато. Но я не теряю оптимизма.

Со следующего дня решаю взяться за новый эксперимент: провести пристальный анализ количества того внимания, которое уделяю мужу.

Эксперимент №3. Всё внимание на мужа

Один опрос, проведенный среди английских супружеских пар с детьми, показал, что мамы и папы детей до семи лет значительно сокращают качественное время, которое они проводят со своими супругами более, чем в два раза: с четырнадцати до шести часов в неделю. И это статистическая середина. Есть пары, которые не проводят друг с другом и пары минут в день. Самое прискорбное, что 91% родителей признаются, что качественным временемпрепровождением они называют теперь не время с партнером, а время, проведенное с семьей. Получается, что с появлением детей отношения супругов (а для кого-то и сами супруги) обесцениваются. То есть провести пару часов с детьми – это отлично, а с партнером – потеря времени. Романтические жесты сокращаются примерно на четверть (на сколько увеличивается количество неромантических жестов, статистика умалчивает). Также уменьшается количество словесных признаний в любви, поцелуев, дневных и ночных свиданий. Почти половина родителей никогда не проводила выходных без детей – чаще всего потому, что не хотят оставлять их одних. В некоторых семьях дети продолжают спать в родительских кроватях до поступления в школу, а то и дольше, не давая возможности супругам воссоединиться даже ночью. Здесь думаю, что природа это специально задумала в качестве естественного способа предохранения. То есть пока ребёнок нуждается ночью в родителях, других детей не надо.

Конечно, все эти цифры вполне объяснимы: за малышами нужно присматривать, ухаживать, и здесь против природы не пойдёшь. Только вот, когда они подрастают и вполне могут провести пару часов без мам и пап, что действует в нас? Инстинкты, сформировавшаяся привычка или отчуждение, возникшее за это время между супругами?

Четверг

Ресторан международного семейного отеля за завтраком – лучшего места и времени не придумаешь, чтобы понаблюдать за тем, сколько внимания супруги уделяют друг другу. Как агент контрразведки, незримый и неслышимый, наблюдаю за мамами и папами, чтобы составить собственный портрет стреднестатистической картины внутрисемейного внимания. Бело-снежные скатерти, снующие между столами черноволосые официанты, запахи свежее испеченного хлеба и свежесваренного кофе, которые разносятся по огромному залу. Кажется, что может быть лучше? Всё готово. Не нужно убирать, ничего не нужно готовить. Есть время друг для друга, но не тут-то было!

Вот, к примеру, молодая пара с малышом полутора лет. Мама уговаривает ребёнка что-нибудь съесть. Папа убеждает маму оставить малыша в покое – тот съест, когда ему захочется, всё-таки здесь «всё включено», но мама знает лучше. Ласковым, добрым тоном она продолжает внушать сыну, что он голодный. Того, правда, так легко не убедишь: он весело вертится и сжимает рот. Мама с терпеливой улыбкой настаивает, но безуспешно. А тут муж ещё со своими советами.

«Почему мне нужно тебя обо всём просить? – прилетает ему. – Почему не можешь проявить инициативу и принести хлеба? Только на этот раз, пожалуйста, с семечками кунжута, а не тыквы – у ребёнка из-за них животик болит. Неужели ты до сих пор этого не заметил? Любую ерунду тебе нужно объяснять?» Муж в итоге уходит, заказывает себе пиво и садится один, спиной к жене, которые метает гневные взгляды. Вот тебе и романтический отдых на море.

– Дорогой, пиво хочешь? – спрашиваю мужа.

– С утра? Да нет, я лучше за Сашу булочку доем.

Снова съезжаем на детскую тему. Успокаивает одно: мы не одни такие. Глаза, руки, внимание родителей в ресторане заняты детьми, пиццей, фруктами, макаронами – опять же для детей. В этом есть какой-то особый смысл, предназначение, потому что если внимание родителей освобождается, то появляется пустота, неловкость, отчуждённость, ненужность. Никакого

намёка на романтику, поддержку, интересный разговор с супругом. Поцелуй кому? Ребёнку. Улыбка кому? Ребёнку. Тарелка с едой кому? Конечно, ребёнку. А мужу: «убери, помолчи, принеси, ещё раз, потому что принёс не то, помолчи ещё раз, а то не слышно, что чадо говорит!» Что ни говори, а с появлением детей, главные акценты женщины – на ребёнке, а не на муже. Но ведь его потребности с появлением детей не исчезают. И даже если вначале все готовы потерпеть, то через три года возникает резонный вопрос: сколько ещё терпеть и нужно ли вообще?!

Итак, с сегодняшнего дня – всё внимание на мужа! Ну или хотя бы его справедливая часть. Заодно понаблюдаю, получаю ли я аналогичную часть его внимания.

Пятница

– Мама, можно к тебе на коленки? – спрашивает старший за ужином.

– Садись, – чуть отодвигаю стул, чтобы ему было удобнее.

После старшего на коленки залезает и младший. Теперь очередь мужа. «Дорогой, хочешь тоже ко мне на коленки? И поцелуйчик!» Так было бы справедливо, если учитывать принцип не просто равного, а даже повышенного количества внимания мужу, который я провозгласила, начиная эксперимент. Нет, на абсолютную справедливость здесь рассчитывать не приходится: всё-таки весовая категория у детей и мужа разные, но как тогда уравнивать его в правах на моё внимание? У мужа и жены есть свои способы телесного общения, но даже если их учесть, то уравновесить ни по времени, ни по вниманию всё равно не получается.

– Тебе не кажется, – спрашиваю мужа, – что когда появляются дети, то всё внимание, прикосновения, время, поцелуи, нежность, заботы, которые раньше супруги дарили друг другу, переносятся на детей?

Муж смотрит на меня так, будто я вдруг, после многолетнего блуждания в темноте, прозрела.

– Как ты думаешь, укладываемся ли мы в статистику отношений супругов с детьми в плане внимания друг к другу, романтики и любви?

Муж не успевает ответить, так как в этот момент Даниель роняет стакан со спрайтом на стол.

– Я закажу еще один, когда официант подойдет, – говорит муж, бросая салфетки на мокрую скатерть.

– Но это долго! – возражает Даниель. – Я хочу сейчас!

Муж строго смотрит на сына.

– Если хочешь прямо сейчас, закажи сам, – предлагаю я, вспомнив о том, что и детям пора больше ответственности на себя брать, чтобы освобождать наши ресурсы с мужем друг для друга. – Скажи ему, как я тебя учила: «One water, please» или «One Sprite, please», если хочешь спрайт. Идите вместе с братом – вместе не так страшно.

Саша и Даниель, к нашему удивлению, уходят и возвращаются, хитро улыбаясь: «Мы заказали!»

Через пару минут официант приносит «Кока-колу».

– Наверное, вы ошиблись, – пытаюсь остановить его, но официант не слышит, поэтому я с прискорбием добавляю. – Придётся папе пить «Кока-колу». Ведь вы знаете, что мы вам её пить пока не разрешаем.

– Но мы уже большие! Мы сами можем заказать попить и даже на английском! – «дуются» дети.

– И даже «Кока-колу»! – добавляю я, и они снова хихикают.

– Вы думаете, что уже достаточно взрослые, чтобы пробовать «Кока-колу»? – спрашивает муж тоном учителя, который обнаружил проделку учеников, и чтобы не портить никому настроения, превращает её в нечто легитимное.

– Да! Да! – кричат дети.

Муж смотрит на меня, я киваю: а, может, он и прав? Они действительно уже во многом взрослые и самостоятельные, что хорошо. Ведь именно это может позволить нам с мужем уделять друг другу больше времени. Передать ответственность за то, что могут делать сами, детям, чтобы освободить ресурсы друг для друга?

Но готовы ли мы к этому? Не получится ли так, что, специально выделив время, мы будем скучать и тянуться к телефонам, чтобы прочесть новости и сделать что-нибудь интереснее или важнее, чем быть друг с другом? От этого по животу разливается страх – холодный и липкий, как наш стол после пролитого спрайта. Когда же его, наконец, приведут в порядок?

Суббота

«Верь только той статистике, которую сам подделал», – говорит мой свёкр, и я с ним абсолютно согласна. Поэтому уже второй день сопоставляю наши отношения и статистику. Никаких сомнений в том, что мы с мужем проводим друг с другом не меньше времени, чем среднестатистический родитель, у меня не было, особенно, если учитывать то, что мы в отпуске, только вот одно неожиданное открытие застало меня врасплох.

После двухдневных подсчётов констатирую положительный итог. Цифры мне улыбаются, как цветы под нашим балконом: шесть-семь часов в неделю мы проводим друг с другом (даже если не в отпуске); «я тебя люблю» звучит у нас чаще, чем у других пар (5-6 раз в день вместо 1-2); мы целуемся несколько раз в день (вместо скромных 10 раз в неделю у английских пар); обычно раз в месяц выходим куда-нибудь пообедать или на завтрак (правда, здесь пока это сделать не смогли). Всё было бы хорошо, если бы не одно «но». Практически вся положительная статистика наших отношений складывается усилиями моего мужа! Он говорит о чувствах, подходит ко мне, чтобы поцеловать, периодически предлагает устроить свидание на двухместном катамаране посреди бирюзового моря, оставив детей под присмотром квалифицированного персонала. А я не решаюсь, потому что не знаю, насколько персонал квалифицированный, а волны – не самое подходящее место для романтического свидания с женщиной, которая после последней поездки на морском катере превратилась с женщиной с головой в ведре. Возможно, вся проблема именно в том, что я принимаю его любовь, но ничего не делаю сама? Нет, делаю, конечно: готовлю, убираю, организовываю, – но это всё для семьи в целом, а для него конкретно – очень мало, практически ничего. Не то, чтобы я не хочу этого, просто его проявлений чувств мне вполне достаточно. В то же время я понимаю, что любовь – это глагол. Поэтому действовать нужно и мне тоже.

– Дорогой, ты слышал, что мужчины, которые целуют своих жен каждое утро, живут на целых пять лет дольше тех мужчин, которые не целуют? – спрашиваю мужа, лежащего рядом на шезлонге.

– Это потому, что жены их не убивают раньше времени?

– Ты меня целуешь каждое утро, так что тебе не стоит беспокоиться, – смеюсь. – Мне было бы гораздо интереснее узнать, почему именно такая последовательность: муж целует жену. А если жена целует мужа? Или это не имеет такого положительного воздействия? Видимо, утренний поцелуй – индикатор отношения мужчины к женщине, качества брака с ней. Если всё хорошо, то он испытывает меньше стресса, меньше огорчается, лучше себя чувствует: у него от этого повышается иммунитет, поэтому он дольше живёт. А как быть с женщинами? Я тоже хочу жить на пять лет дольше.

– Целуй меня на ночь, раз утро уже занято, – делов-то...

Действительно, делов-то... Детей же я целую на ночь, причём неоднократно. Целые бандерольки поцелуев им выдаю. Пришло время и мужа поставить в список адресатов.

Воскресенье

После обеда первый раз за наш отпуск на Корфу отдаём детей под присмотр квалифицированного персонала. Не могу сказать, что Даниель горит желанием расстаться с нами, но я непреклонна.

– Сегодня мы уйдем на час, а завтра уедем на катамаране рыбачить в море часа на два, – муж оживленно жестикулирует, когда мы, оставив детей, направляемся по горячей асфальтной дорожке к морю. – А послезавтра всё утро проведем в номере без детей!

– Роскошный план, но послезавтра мы улетаем! – возвращаю мужа на землю.

Мне немного не по себе от того, что с нами нет детей, но изо всех сил стараюсь расслабиться – мы заслужили этот час единения. Муж идёт на деревянный помост, на котором стоит одинокий рыбак, чтобы посмотреть на его улов. Раздеваюсь, чтобы подождать его в воде.

Близость на расстоянии: прикосновения взглядов, мыслей, улыбок. Никогда не задумывалась о том, что смотрю обычно не на мужа, а на детей, машу им ручкой, посылаю воздушные поцелуи. Теперь без них какая-то пустота, тревога, будто чего-то не хватает, будто вырвали из сердца кусочек, точнее два.

Вот и сейчас снова смотрю на детей, пусть и на чужих, точнее, на семейные пары. Даже смешно: все они выглядят одинаково – как женщины, которые два ведра воды в руках с колодца несут, только у мам вместо вёдер по ребенку в каждой руке, а у пап – сумки со всем тем, что не поместилось маме в котомку, которая у неё висит на плече. И все они смотрят на детей с гордостью, с нежностью, и зачастую совсем по-другому – друг на друга.

Почему я об этом думаю? Куда я смотрю? У меня ведь есть муж, время, и внимание, которые я хотела подарить только ему. Он машет мне с деревянного помоста, показывая, какую рыбку мужик поймал, и направляется к берегу. Мне так забавно и радостно от того, что муж за годы взрослой, серьезной жизни хирурга не потерял задор ребенка, который в восторге от простой рыбки. Мне очень нравится это в нём, мне очень многое нравится в нём. Просто я обо всём этом забыла... Дети напрочь стёрли память о том, что я любила в муже. И это не их вина. Просто природа хочет, чтобы выжили дети. Муж для природы уже не так важен, но важен для меня.

Плаваю в лазурной воде, окруженная блестящими, непугливыми дорадами. Мы с мужем не выпускаем друг друга из виду, машем время от времени и постепенно приближаемся. Когда мои колени упрутся в песок, встаю в полный рост, позволяя ему увидеть ручки воды, скалывающиеся по моей светящейся на солнце коже.

– Холли Берри – ничто по сравнению с тобой, – говорит он, целуя меня в шею. Всё-таки он думает о ней... Чёрт побери... Хорошо, что я ему про Селигмана не сказала... А то бы он сейчас тоже о нём думал...

Мы сливаемся в поцелуе – не в полусекундном, сухом, стандартном поцелуе родителей с двумя маленькими детьми, а поцелуе молодой влюбленной пары, которая ни о чем другом и думать не может, как о его скором продолжении наедине. И я тоже... И он... И уже как-то неудобно стоять здесь по колено в воде, когда вокруг плавают дети и непугливые дорады, но нам всё равно. Мы вдруг стали молодой влюбленной бездетной парой, которой наплевать на других. Дети под присмотром, один поцелуй, и будто не было последних месяцев и лет.

Понедельник

Результатом нашего романтического воскресенья стала поездка в Калами – местечко с домиком Дарреллов, куда я очень хотела попасть, а муж – не очень. Но я согласилась порыбачить с ним с катамарана вдали от берега без детей, и он согласился съездить со мной в Калами. Потом пожалела о своем обещании, но было поздно. Кристиан был полон решимости поймать самую большую рыбу в своей жизни. И вот мы идем: он – радостнее некуда, я – с чувством тревоги, неумоимо покалывающим где-то в районе желудка и разливающимся по ногам и рукам до самых кончиков пальцев. Превращаться в женщину с ведром в последний день нашего пребывания здесь совсем не хотелось.

Даниель, как полагается, устроил перед этим истерику: не хотел оставаться в детской комнате даже на часок. Потом после нелёгких переговоров, мы ушли, и, пока он не передумал, направились к морю. Мне сразу вспомнилась сказка о рыбаке и рыбке Пушкина на той её

стадии, когда бабкины желания стали рыбку немного раздражать. «Помутилось синее море». Как я понимаю рыбку! Особенно если учитывать мою чувствительность к волнам... При одной мысли о прошлом путешествии на катере, побольше, чем на том, что сдают здесь в прокат, у меня крутит в животе. Но уговор есть уговор, поэтому надеваю спасательный жилет, отвязываем катамаран, работаем ногами. Ватными...

Берег постепенно удаляется, открывая нашему взору тёмно-бирюзовые глубины. Рыб не видно, и я втайне надеюсь, что муж скажет: «К сожалению, рыбы сегодня нет, дорогая. Ты была права: нечего тут делать, поплыли обратно», но он лишь сосредоточенно, с нескрываемым удовольствием разбирает чемоданчик рыбака, насаживает хлебный мякиш на крючок и закидывает удочку.

Я тяжело вздыхаю и пытаюсь прочувствовать все прелести жизни женщины, которая не сидит у разбитого корыта и не ждёт супруга с золотой рыбкой, а рыбачит вместе с ним, принимая все невзгоды и тяготы морской жизни. Начинает тошнить. Одно спасает: мысль о том, что если сейчас не удержу катамаран против волн, то тошнить может и перестанет, но зато придётся вспомнить другую, не менее известную сказку «Морозко». А берега уже почти не видно...

Облака холодных брызг обдают меня каждый раз, когда волны ударяются о борт, кожа уже давно стала не то что гусиной, мне кажется, из неё скоро перья полезут. Почему я не послушалась Даниеля? Ведь кричал он, что нельзя детей на отдыхе отдавать в детский садик! Сейчас бы сидели на тёплом песочке и ели шашлыки. Кстати, их как раз в это время делают около бассейна. Но мы так далеко от берега, что даже представить себе не могу, как они пахли. Только помню, что вкусно.

– Ну как, клюёт? – выдавливаю из себя настолько добродушно, насколько мне позволяет заочечневшее от страха и холода лицо.

– Пока не очень, – отвечает муж. Удивляюсь, какими выразительными могут быть мышцы его лица. Будто он в точности собрал всю ту скорбь, грусть, которые блуждали во мне в тот момент, и представил одним колоритно очерченным рельефом. Ну разве что рвотного рефлекса немного не хватает.

Обхватываю руками ноги, чтобы не начать подгребать к берегу. Ну если не клюет, так зачем тут ждать? К берегу! Да побыстрее!

– Давай там попробуем, где поглубже?! – муж показывает на синеву посреди бирюзы. Это означает, что мне нужно поворачивать катамаран и работать ногами, что есть силы, только не в направлении берега, а от него!

– А может быть, не стоит дальше идти? Смотри, пляжа почти не видно – нас уже к деревне отнесло! Там и до открытого моря рукой подать. И до океана... Нет, пожалуй, до океана далеко будет. Мы же в Средиземном море. В любом случае, через двадцать минут нужно детей забирать!

Муж разочарованно выдыхает – ни одного поклёва.

– Ты на берегу больше наловишь! Рыбы же не знали, что сегодня здесь их будешь ловить. Обычно они тебя на деревянном помостике ждут. Не расстраивайся! Главное, что мы попробовали, – успокаиваю его, едва сдерживая счастливую улыбку.

Муж нехотя соглашается, мы вместе гребём к берегу. Кристиан удивляется, насколько быстро мы добрались – даже похвалил меня за отменную работу ногами. Если б он знал, куда мы могли добраться, если бы я себя не сдерживала. На катамаране прямо до детского клуба бы долетели! Двести метров по асфальту! В общем прибыли на пляж на десять минут раньше положенного. Предлагаю Кристиану посидеть в баре на берегу. Отойти от приключения, расслабиться.

– Как необычно, – говорю, заказывая воду, – до сих пор мы сюда только детям за спрайтом бегали, – а теперь одни сидим, расслабляемся!

– Да-да, – муж улыбается. – Отличная идея – отдавать детей под присмотр!

– Только немного тревожно, потому что Даниель плакал, когда мы уходили.

– Ты же его знаешь. Сначала он плачет, что не хочет туда идти. Потом плачет, потому что не хочет оттуда уходить. Просто он такой, ему трудно привыкать к новому и отвыкать от старого. У нас ещё шесть минут осталось, поэтому не будем о детях. Знаешь? Я выпью пива!

Неожиданное заявление, если учитывать то, что не могу даже вспомнить, когда муж последний раз употреблял алкоголь. Он отпивает глоток холодного светлого, причмокивает от удовольствия, вытирает пенные усики, зажмуривается, а потом романтично наклоняется ко мне. Ожидая признания в любви, поцелуя, а может быть даже ответа на вопрос, который так боюсь задать, но Кристиан всего лишь спрашивает:

– А давай ещё вместе порыбачим?!

Вторник

Отпуск подходит к концу, а я ещё не видела рассвета. Сегодня ни за что не пропущу, тем более что уже второй день просыпаюсь ни свет, ни заря. Уже давно такого со мной не было – с того отпуска, в котором начала писать про наши первые эксперименты. Четыре утра. Тьма крошечная. Лишь тонкая полоска земли справа на горизонте, подсвеченная огоньками близлежащей деревеньки Роды.

Через полчаса небо начинает сереть, и солнце уже недалеко. Из темноты, как немые свидетели этой неспешной курортной жизни, выступают соседние домики. За какие-то считанные минуты небо розовеет, меняя цвет от смешанного с синевой до фламинго. Заворачиваюсь в одеяло и сажусь на стул, чтобы не пропустить рассвет.

Начинают щебетать птицы, небо освобождается от примесей. У самого горизонта грязно-розовый превращается в яркий, сочный, сильный. Цветов так много, и все они аккуратно переходят друг в друга, не сливаясь, как карта нашей Земли в разрезе. Каждый пласт – своя история, свой цвет, своё время. Только у Земли на это есть тысячелетия, а у неба – минуты. Над морем оно уже совсем светлое. Лишь надо мной пока темнота, будто ночь не хочет просыпаться и натягивает на нос одеяло, чтобы продлить волшебный сон. Но солнце неумолимо наступает. И птицы уже не щебечут поодиночке, а творят волшебную музыку единым джазовым оркестром.

Небо над горизонтом ненадолго затягивает дымкой, белёсой пеленой, которую хочется стянуть, как пенку с кипяченого молока, но здесь нельзя торопиться, можно только наблюдать. Солнца по-прежнему не видно, но оно уже здесь, оно шепчет, греет, даже если только одной мыслью о себе. Сбрасываю одеяло и вскакиваю со стула. Розовый цвет, прячась за фиалковым, тихонько исчезает в море.

Любовь – как рассвет. Появляется и исчезает, дарит и забирает. Но может быть, мы просто недостаточно рано встаём, не смотрим, не замечаем, не делаем, не погружаемся, не наслаждаемся? Ведь рассветы случаются каждое утро! Мы просто слишком поздно просыпаемся, слишком торопимся, слишком долго сидим в телефонах, их не видим, или видим, как я, только изредка, в отпуске.

Наши десять дней заканчиваются. Смотрю на небо, на море, на выступающий из склона, покрытого зелёными кипарисами и оливковыми деревьями, светлый кусок, словно обнажённой кожи. Не могу насмотреться досыта, не могу надышаться, чтоб хватило надолго. Хочу забрать всю любовь с собой вместе с корнем, вместе со скалами, со всей их твердью, чтобы она не потерялась, не растеклась по пути, не ушла по капле в рутине будней.

Мы уезжаем, и от этого страшно. Что будет, когда вернёмся домой, когда встретят вечерняя усталость и ежедневный стресс? В отношениях – как в работе. Если не умеешь отдыхать в будни, то уже через три-четыре дня после двух недель на море будешь себя чувствовать, как обычно. Если не научиться любить друг друга дома в четырёх стенах каждый день, то отпуска не помогут. Ведь они случаются всего лишь раз в год, а любить хочется каждый день.

Эксперимент №4. Освободить жизнь от старого

Одной безутешной женщине, потерявшей ребенка и нежелавшей его хоронить, посоветовали сходить к Будде. Тот пообещал помочь ей, но только после того, как она принесёт ему горсть семян, собранных по одному у тех семей в деревне, которых бы не задела смерть близкого человека: матери, отца, сестры, брата, ребёнка. Ни одного семени не принесла женщина. Ни одной семьи не нашла, которую бы никогда не посещало горе.

Незаполненная пустота, несбывшаяся мечта, надежда, которая умерла. Боль, которую никто не должен увидеть. Несчастье, про которое никто не должен знать. Ощущение, что жизнь никогда не станет прежней. Лёгкой, яркой, беззаботной. Есть только одиночество, солёная подушка и тяжесть, которая не даёт подняться с кровати. Чувства женщины, которая возвращается из больницы, потеряв ребёнка. Второго подряд.

Всё это наваливается на меня, когда мы возвращаемся из отпуска. Дети отправляются в садик, муж – на работу, а я остаюсь дома, где всё напоминает о том, что случилось до отпуска: детская одежда в шкафу, коляска, оставшаяся от мальчиков (специально не продавали), детский прицеп для велосипеда, деревянная лошадка-качалка, подаренная родителями мужа, пластиковые ложечки, слюнявчики... Что с ними теперь делать?

Как было хорошо улететь из дома в новое, окунуться в море, спрятаться в его синеве, чтобы не слышать, не вдыхать запах несбывшихся мечтаний и надежд... Но всё возвращается. И мы вернулись. И ко мне вернулось.

Снова смотрю на букет ландышей, который принесла подруга в больницу. Не знаю, зачем я его сфотографировала. Белокурая красота, которая появилась и тут же исчезла. Осталась лишь фотография. Мне хочется её оставить. Только её и ничего больше. От всего остального хочется избавиться. Поставить большой контейнер и выкинуть в него всё до последней игрушки.

Глупые, нелепые, уродливые мысли. Зачем мне всё выкидывать, если в глубине души всё ещё надеюсь, что у нас получится? Что когда-нибудь этого утёнка вложу в руку нашего третьего малыша? Повторяю, как заклинание, что всё ещё будет, нужно всё оставить, но в ответ слышу слова мужа: «Я больше не хочу пытаться! И говорить на эту тему тоже».

Он сказал это вчера. Лучшего дня нельзя было придумать. Хотя для такого не может быть хорошего дня по определению. Может быть, если бы спросила на Корфу, он ответил бы по-другому, но я спросила здесь, где всё напоминает об этой боли. Теперь обратного пути нет.

На двери детского сада – объявление о базаре подержанных детских вещей.

– Места ещё есть? – мой голос, пока говорю по телефону, кажется чужим, будто не я это произношу.

– Есть, – радостно отвечает мама-активистка, организующая мероприятия детского сада. А я надеялась, что она скажет «нет».

Наши мальчики всё ещё ничего не знают. Они были в отпуске с папой в Бельгии на море, когда всё случилось. Я попросила никого не приезжать, чтобы не травмировать. Утешать себя одну – это одно. А ещё троих одновременно – это мне не под силу. Да и вообще я представления не имею, как объяснять детям: «У вас мог родиться брат или сестра, но не получилось... Мне очень жаль».

С одной стороны, от этого действительно легче. С другой, сейчас всё время, которое провожу дома с детьми, я вынуждена играть роль клоуна с нарисованной улыбкой. Улыбаюсь детям и даже смеюсь, но потом вижу ландыши. Нет, не фотографию – её давно спрятала в альбом, подальше от чужих глаз. Они у меня в голове. Их целое поле. И оно цветёт, не переставая. Когда же закончится эта горькая весна, ведь на улице уже начало осени?

– Откуда это? – спрашивает Саша, случайно увидев в альбоме фотографию ландышей.

– Подруга подарила, – отвечаю я. – Красивые?

– Очень, – отвечает он и беззаботно перелистывает страницу, а я в очередной раз усиленно дышу носом. Есть одна точка, в которой становится холодно на вдохе, а на выдохе тепло. Я перевожу на неё внимание и думаю, как хорошо там: то холодно, то тепло. Потому что после этого с удивлением замечаю, что чувствовала что-то другое, и уже несколько секунд не думала о том, о чем думала до этого беспрерывно, беспробудно, без конца.

– Дети, через две недели мы пойдем продавать игрушки на детском рынке подержанных вещей, – объявляю после обеда. – Ваша задача – отобрать те, которыми вы больше не играете.

– Мы всеми играем! – кричит Даниель.

– А этими, которые в ящике уже полгода лежат и никто их не вынимает? – показываю на фигурки животных.

– Этими мы играли! – заступается Саша. – В Ноев ковчег. Помнишь, ставили их в ряд и садили на корабль?

– Так это весной было! Уже несколько месяцев прошло!

– С тех пор они в плавании, пока землю не найдут, – улыбается Саша.

– Мне кажется, нужно помочь им найти землю, а то они без еды умрут.

Сажусь с ними на пол и начинаю по очереди перебирать содержимое ящиков. Дети смотрят на меня с широко открытыми от ужаса глазами.

– Мы продадим только те игрушки, с которыми вы действительно готовы расстаться, – успокаиваю их. – На вырученные деньги купим что-нибудь новое!

– Новое?! – выражение их лиц тут же преобразается с «только через мой труп» на «давай продадим всё».

Они помогают мне и уже без всяких проблем делят машинки и фигурки животных на «оставляем» и «на продажу». Заодно избавляемся от неисправных, складываем машинки к машинкам, животных к животным, мягкие игрушки к мягким. Справились не за один день, но в конце уборки дети имели представление, где у них что лежит. А сколько радости было, когда Даниель нашел свою любимую рысь, и Саша – потерянные патроны для арбалета! Книжку с песенками из мультфильмов, которую я сложила в коробку с книгами, они не выпускали из рук несколько дней. Найденными сокровищами они играли вплоть до рынка, а я тем временем наводила порядок в шкафах с детской одеждой и в своей душе.

В этих синих штанишках Саша начинал ходить. Даниль был в этом милом джинсовом костюме на нашей первой фотосессии. Ночью у него вылез третий зуб, и он сводил нас, себя и фотографа с ума, скрипя им о два нижних. Даже не представляю, как мы умудрились выйти на фотографиях такими счастливыми и беззаботными.

Вещи, как фотографии, несут на себе запечатлённые моменты, воспоминания, эмоции. Может быть, поэтому так трудно с ними расставаться... Кажется, отдаёшь их другим, и вместе с ними будто уходит часть собственной истории, островок дорогой сердцу жизни. И всё же невозможно постоянно копить. Нужно освобождать место для нового. Не только физическое на полках, но и внутри себя. Каждая вещь, как вспышка, запускает цепочку фейерверка: оранжевая – радость, пёстрая – веселье, металлическая – страхи, серебристая – грусть. Чем больше вещей, тем больше вспышек, и уже не замечаешь, как живешь прошлым, а не настоящим. Нужно возвращаться. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Холодно, тепло. Холодно, тепло. Вот так. Уже легче.

Складываю детские вещи в коробки с надписями 74-98, 104-110 – по размерам. Кому-нибудь они пригодятся больше, чем нам... Закрываю. Вот и всё.

В результате ревизии наших с мужем и детских шкафов с одеждой собрано десять больших коробок вещей, игрушек, детских книг, помимо этого, самокат, бобби-кар, деревянная лошадка-качалка. Часть взрослых вещей перекочевала в другой шкаф (платья для особых

выходов, костюмы мужа), а остальные я отнесла в контейнер для нуждающихся. Больше никаких «а может всё-таки когда-нибудь надену» в шкафу! Остаётся только самое новое, самое практичное, самое любимое! И место для нового! Для новой жизни!

В результате этих мероприятий освободилось много места, а самое главное – стало легче дышать. В то же время дети получили карманные деньги для новых игр, и теперь совсем не боятся, когда говорю: «А давайте что-нибудь продадим?»

И во мне больше ничто не напоминает о боли. Из всего я оставила только ландыши. Тот букет на фотографии в альбоме, но не поле. Уже не поле...

Эксперимент №5. Наполнить супружескую жизнь новым

Пятница

– Дорогой, у меня для тебя очередная неожиданность! – говорю мужу, когда тот, вернувшись с работы, устраивается в кресле на террасе и закрывает глаза. На улице тепло, даже слишком, наш зелёный газон побледнел от яркого сентябрьского солнца. Надо полить.

– Дорогая, давай завтра?!

– Но завтра будет уже не неожиданность.

– Давай тогда после ужина?

– После ужина ты играешь с друзьями в компьютерные игры, – вздыхаю, как больной с сердечной недостаточностью, – может хотя бы на это мой врач отреагирует.

– Какая неожиданность? – муж приоткрывает правый глаз.

– Английские психологи нашли способ сократить вероятность развода в два раза очень простым способом!

– Я рад за них, но мы ведь не собираемся разводиться? – муж пристально смотрит.

– Нет, – отвечаю, на что муж закрывает оба глаза и выдыхает, – пока нет...

Правый глаз мужа незамедлительно открывается.

– Ученые давали смотреть каждой паре раз в неделю фильм об отношениях, который они потом обсуждали.

– Молодцы! – булькает он, и верхнее веко опять идёт на снижение.

Мне кажется, что после следующего моего предложения муж захрапит – глазом.

– Ты не поверишь!

– Поверю, – с какой-то безысходностью вздыхает он.

– Я раздобыла список этих фильмов! – вкладываю в руку мужа телефон с сохранённой ссылкой. – Выбери, что бы ты хотел посмотреть со мной сегодня вечером.

Муж снова приоткрывает глаза. По мере продвижения по списку лицо его становится похожим на выжатый грейпфрут, а к концу чтения – на человека, которому сок этого фрукта пришлось выпить залпом, а потом ещё и закусить корочкой.

– Я вижу, список из 102 шедевров мирового кинематографа тебя не вдохновляет.

– Нет, – возвращает мне телефон. – Не люблю фильмы об отношениях, ты же знаешь. Вот недавно хороший про зомби вышел. Можем посмотреть.

– Чему он нас может научить?

– Ничему. Он просто весёлый.

– Фильм про зомби?!

Должна признаться, что в начале отношений мы оба готовы были пойти на уступки друг другу: он – посмотреть со мной «Красотку», а я с ним – «Район № 9». Сегодня никто из нас уже не готов на такие жертвы. Ведь раньше это было способом побыть вместе, что смотреть – было не так и важно, а сейчас мы и так вместе, причём каждый день. Поэтому вечер заканчивается тем, что я смотрю австралийский «Голос», а он – многомиллионный канал игрока в компьютерные игры. Но я не теряю надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.